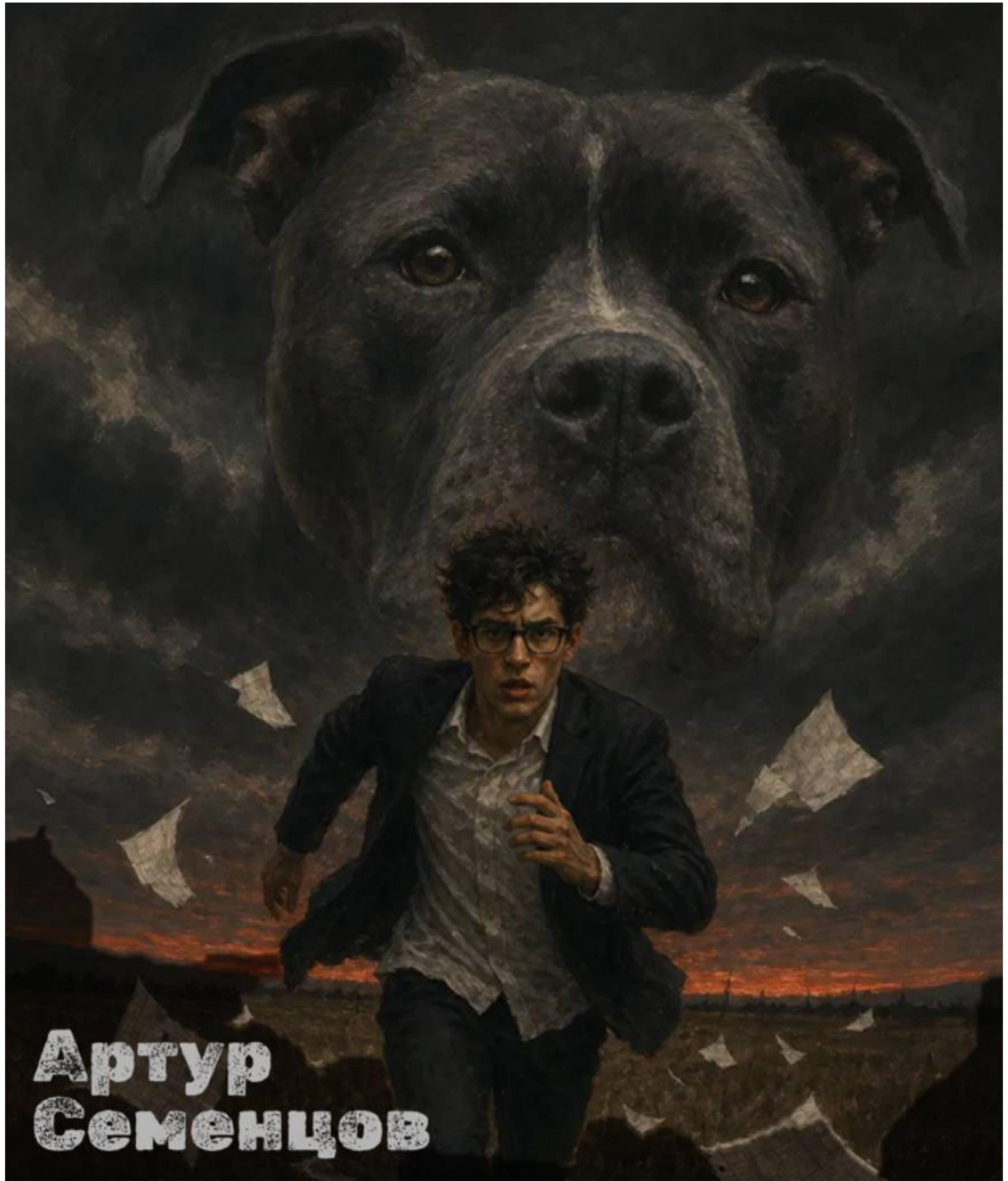

**Артур
Семенов**

**Стаффордширский терьер,
или как ИИ сожрал
литературу**

Артур Семенов

**Стаффордширский терьер,
или как ИИ сожрал литературу**

«Автор»

2026

Семенцов А.

Стаффордширский терьер, или как ИИ сожрал литературу /
А. Семенцов — «Автор», 2026

Человеческий разум обрюзг, а русская классика скормлена алгоритмам. Молодой и успешный ярославский писатель Тимур Берг всегда считал себя хозяином слова, пока однажды на престижном литературном конкурсе первое место не занял искусственный интеллект, ведомый хитрым промптером из Тамбова. В этот день мир Тимура перевернулся с ног на голову. В удушливую майскую жару ярославское литературное братство собирается на экстренный совет в хипстерской кофейне «Эпикур». Против бездушных машин готовы выступить капризные интеллигенты, авторы шаблонных нравоучительных повестей и наивные мечтатели. Но не только проблема господства ИИ гложет главного героя - ему предстоит столкнуться с главным страхом своего детства. Сатира о том, как тяжело оставаться человеком, думающим в эпоху, когда нейросети научились чувствовать за нас.

© Семенцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Стаффордширский терьер, или как ИИ сожрал литературу

Глава 1

На улице стояла удушливая жара. Последние дни мая задали планку всему предстоящему лету. Запах яркого букета цветущих и отцветших растений невидимым облаком парил повсюду, терроризируя несчастных аллергиков, плетущихся по городу с красными глазами и носами. Все люди, снующие туда-сюда по тротуару, выглядели какими-то блаженно-разморенными, пытаясь сосредоточиться на работе, которая никак не вязалась с этим жарким, палящим днем. Здесь, среди прочих, спасаясь от жары, проходил молодой ярославский писатель, Тимур Евгеньевич Берг.

Он был среднего роста, тощего телосложения. Глаза его, скрытые за квадратными стеклами очков, были болотного цвета. Он нервными движениями протирал покрасневшее лицо салфетками и поправлял свои черные, слегка выющиеся волосы, приглаживая их назад. Белая рубашка его была расстегнута на две верхние пуговицы, а отполированные туфли, казалось, плавилась при каждом соприкосновении с асфальтом. Лицо его, немного сложное и угловатое, выражало крайнюю степень какого-то огорчения. Он все время вздыхал и жмурился, затем, ругаясь беззвучно, беспрестанно снимал очки и протирал лоб. Наконец, свернув в сторону набережной и настигнув ее, он занял первую попавшуюся свободную скамейку.

Расположившись на ней, он снова снял очки, ужасно неудобно сидевшие на его переносице, которую он сейчас потирал. Людей было немного, а без очков, с его слабым зрением, Бергу и вовсе казалось, что он смотрел на разлитую акварель из разных цветов, которые медленно переливались и двигались. Сделав глоток уже теплой, гадкой газировки, он снова поморщился и впал в глубокую задумчивость.

Зазвонил телефон.

— Да, — буркнул Тимур, ответив на звонок.

— Через пару часов буду на месте, уже в Ярославской области! Как ты назвал заведение, к которому подъезжать? «Что ли»?

— Нет, — так же отрывисто и раздраженно отвечал писатель, — кофейня «Эпикур», напротив «Штолле»! Я же скидывал вам геолокацию, Гриш. Сто пятьдесят семь раз проговаривали! Открой чат, я там для кого картинку рисовал со стрелочками? Все, увидимся, не придумывай проблем.

— Хорошо, хорошо, не нервничай, — раздался мечтательный голос какого-то наивного человека по ту сторону телефонной линии, — кофейня «Эпикур», напротив «Штолле», вспомнил, вспомнил я... остальным коллегам передам. Скоро свидимся!

Берг снова беззвучно выругался, нервно взмахнув кулаком. Проходивший мимо восьмилетний мальчик задорно засмеялся, чем еще больше разозлил молодого писателя. Затрещали уведомления в мессенджере. Тимур поморщился:

— Господи, этих господ писателей всегда так сложно собрать в одном месте! Привыкли жизнь своим героям усложнять, вот и себе теперь придумывают сложности, — ворчал Берг, вставая со скамьи и направляясь вдоль набережной. — Успею еще пройтись, — и, с мрачным видом, побрёл навстречу жаре и зною под шум кричавших бакланов.

Но прежде, чем мы продолжим, расскажем читателю вкратце, что случилось с нашим героем накануне описанной сцены.

Несколько дней назад Тимуру, как вполне состоявшемуся молодому писателю (на момент рассказа ему было не более тридцати одного года), победившему в нескольких крупных кон-

курсах, было крайне интересно изучить интернет-ресурсы в поисках новых литературных состязаний. Беспреданно листая веб-страницы, он внезапно для себя открыл номинацию, которая вполне соответствовала его творческому потенциалу. Ничего не предвещало беды, пока Берг читал положение о конкурсе, как вдруг... глаза его наткнулись на ужаснувшую его строку (Тимур был впечатлительным человеком).

Она гласила следующее: *«Если ваша работа написана при помощи нейросети — укажите название ИИ»*. Что было дальше, Берг уже не смог читать, поскольку глаза его, казалось, настолько расширились, что напоминали плоские тарелки с черными точками посередине. «Вот и приплыли... — думал Тимур Евгеньевич. — Какой кошмар! Мы создали голема!»

Пока Берг рефлексировал на тему несправедливости в отношении писателей, не имеющих ни единого шанса против ИИ, он продолжал листать конкурсы и, на свою беду, открыл недавно закончившийся, в котором уже был оглашен список победителей. Тема была посвящена научной фантастике. Именно тогда Тимур прочитал ясные строки, гласившие, что первое место заняла работа, написанная при помощи ИИ!.. Он рассеянно схватил телефон и принялся скидывать эту ужасную для него новость во все писательские и литературные чаты, в которых состоял. Заворчали и стар, и млад. Этот день перевернул мир молодого писателя с ног на голову.

Новость о победе ИИ, который мастерски направлялся одним хитрым писателем из Тамбова, действительно всколыхнула литературное окружение Берга. В это теплое время года он жил на своей даче под Ярославлем, в хорошем элитном поселке, где дачи плавно перерастали в коттеджи — от одноэтажных до двухэтажных, из добротного кирпича. Здесь ему писалось и творилось много лучше, чем на городской квартире, особенно в сезон жары и зноя. И вот, с наступлением вечера, Берг призвал все творческие высшие силы на помощь: ему хотелось верить, что человек способен выстоять против ИИ! Какой кошмарный сон наяву! Ведь он недавно победил в конкурсе, где его поочередно хвалили выдающиеся писатели и критики нашей современности. А сейчас что? Найдется умник из какой-нибудь области, заарканит ИИ, и такой сюжет завернет, который в обедневший веками писательский ум никогда и не заглянет.

Чего только Берг не делал: гулял далеко в поле, фантазировал, что он отшельник, пытался вызвать драму в сердце, выдавить слезу, расставлял руки в разные стороны и бежал вперед, ловя это изворотливое и непостоянное вдохновение, которое в любой момент так предательски легко ускользает... «Приди хоть толика осознания, толика мысли, божественной искры! Не хочу верить, что какой-то тамбовский писатель, хитро умеющий маневрировать с ИИ и всякими ChatGPT, теперь будет побеждать год за годом! И как писать? Как творить? Теперь сталкивать лбами будут не писателей, а их оружие, и не перо, а чужой искусственный труд! Это же... абсурд! В чем тогда будет смысл литературы, если ИИ впитает в себя лучшие произведения русской классики и будет генерировать то, на что уже не способен наш обрюзгший ум?!» — думал Тимур и обращал взгляд в небо.

Но ничего, естественно, ему не пришло. Никакого вдохновения и даже малейшей мудрой мысли.

«Как же удивился бы Гёте, так высоко ценивший свободу творческого вдохновения, если бы узнал о существовании ИИ. Нужна идея? Пожалуйста, интеллект скомпилирует её на основе сотен тысяч лучших образцов. Нужна шлифовка, осмысление написанного, корректировка? Не вопрос, ИИ придет на помощь. Как же тогда с ним тягаться, если...» — но Тимур прервал свою мысль. С ужасом заметил он впереди, посреди поля, своего соседа, выгуливавшего на поводке устрашающего стаффордширского терьера. Солнце начинало заходить за горизонт, оставляя их в надвигающемся сумраке одних.

Глава 2

Тимур боялся собак с семи лет, и тому была определенная причина. Однажды, на обычной прогулке во дворе, на него набросилась уличная дворняга, плотно вцепившись своими клыками в правую ляжку. Маленький Тимур, который прежде весело бегал и играл с деревянным автоматом, даже не успел ничего понять. Отовсюду раздавался крик. Все во дворе разбежались, начиная звать взрослых. Схватив Тимура за ногу, собака тянула его на себя, уставившись безумными, горящими глазами на побледневшего от испуга ребенка.

Маленький Берг не понимал, что с ним происходит, он только чувствовал всем своим небольшим телом, как злое чудовище тянуло его на себя, а он, чтобы не упасть, упирался свободной ногой в землю и сопротивлялся. Странное состояние оцепенения охватило его: он не чувствовал боли, холода или жара, он словно на мгновение потерял все способности ощущать, и вся его жизнь обратилась в эту страшную минуту, которая могла быть решающей. С ужасом подбежал отец с соседом — такими прыжками и рывками, на какие способны только родители, спешившие на выручку к своим детям.

— Разжимай пасть! Разжимай пасть! — слышал Тимур голос отца, которого не узнавал в это мгновение.

— Палку в пасть, разжимай! Не тяни собаку ни в коем случае, иначе вырвем кусок, вырвем! Береги ногу! — кричал отец, как остервенелый.

Взрослые копошились с псом недолго. Зажмурив глаза, Тимур ждал разрешения этой страшной истории и вдруг почувствовал, как собака отпустила его ногу. Он с грохотом упал на спину с широко раскрытыми глазами. Облаком поднялась пыль и песок. Тимур дрожал, не решаясь повернуть голову на свою ногу, чтобы узнать, что же с ней случилось. В его детском мозгу отчетливо возник только один вопрос: «откусил или не откусил?» Надо сказать, что рассуждал он об этом с истинным мужским хладнокровием. Послышались глухие удары и протяжный вой собаки, перерастающий в скуление. Тимур дрогнул. Отец подбежал к сыну и здесь случилось самое страшное — на улицу выбежала мать, которая одновременно кричала и рыдала, звала скорую. Тимур тяжело задыхался, взволнованно смотрел по сторонам. Его пугал шум, пугало окружение, пугали глаза отца, который суетился вокруг лежащего сына. Затем Тимур приподнял голову и посмотрел на ногу — штанина была разодрана. Он отчетливо видел зияющую рану, из которой на песок текла кровь. В мгновение мальчик ощутил и боль, и ужас своего положения. Он громко заплакал и закричал.

Берг уже не помнит, что с ним случилось дальше. Самое яркое воспоминание навсегда засело в его мозгу, а вот стадии лечения, восстановления и прочее он помнил фрагментарно. Одно чувство, несомненно, титановым саморезом вкрутилось в его подсознание — страх перед собаками. Всегда, где бы он ни был, независимо от возраста, он боялся внезапной встречи с этими созданиями. Бывало, он заворачивал в переулок, шел с возлюбленной за ручку, беседовал о вечном и вдруг как снег на голову выбегала огромная дворняга, с озорством виляя своим грязным хвостом. Эти собачьи глаза вселяли ужас в Берга. Он находил в них притворную преданность и ласковую игривость, переходящую в коварную хитрость, выдающую в них хищников и убийц. Врагов, но никак не друзей человека. Вся душа Тимура моментально уходила в пятки, и он бледнел, не находя в себе сил переступить порог своего собственного кошмара. В тот день он резко отвел свою девушку в сторону, и повел ее быстрыми шагами по другому пути, бесконечно озираясь назад.

С тех пор Берг всегда сторонился собак, и даже лай невысокой глупой собачонки мог вызвать в нем рефлекторное вздрагивание, заставляющее сердце биться сильнее. К сожалению, дача, которую он выбрал для творческой жизни, не располагала к безопасности от этих четвероногих созданий. Лай слышался повсеместно. Одно успокаивало — поводок. Если мужик вёл

своего терьера на поводке, то это не беда, это еще можно стерпеть. Во всяком случае, удержит. Приветствовал Тимур и намордники, но хозяев, которые отпускали своих гигантских собак бегать без поводка, намордника и присмотра, позволяя им носиться по полю и яростно подбегать к незнакомцам – этого Берг никак не мог понять и таких мест сторонился.

В этот вечер он проявил неосмотрительность. Погрузившись в свои мысли, он решительным образом проигнорировал тот факт, что один из его соседей, весьма неприятный тип, иногда выгуливал жуткого стаффордширского терьера, от которого кровь стыла в жилах. Это был страшный экземпляр, тигрового окраса, напоминавший одноглавого чербера. Тимур непременно изучил эту породу и был в ужасе, узнав, что сила укуса этого чудовища практически равна волчьей.

Хозяин пугал окружающих не меньше своего пса. Бывший предприниматель, в разводе, живущий в пьянстве и одиночестве в своем загородном доме. Он был крепким, плечистым и напоминал сжатый кулак, который мог в любое время нанести удар. Волосы его были жесткие, с проседью, всегда немного взъерошенные. Густая щетина, покрывавшая жестокий кривой рот, также серебрилась. Часто он выходил на прогулку выпившим и от него постоянно несло амбре от дорогого коньяка, вперемешку со стойким одеколоном и табачным духом. Для прогулок он неизменно надевал тряпичный, изношенный серый пиджак поверх черной, неряшливой футболки. Звали его Владимир Анатольевич Усов.

Усов имел дурную славу жестокого и деспотичного человека. Всегда при любом удобном случае он выливал свою агрессию либо в боксерскую грушу, висевшую у него в коридоре, либо на охоте, либо на травле, на которую он возил своего терьера. Травля – особенно странное явление, которое Тимур никогда не понимал. Собак срамливали друг с другом на импровизированных «аренах», оборудованных в виде больших клеток. Усов обожал с азартом наблюдать, как его стаффорд набрасывался зверем на свою жертву. Хозяин пса не преследовал никаких выгод от этого предприятия, кроме удовлетворения своей природной потребности в жестокости: через собаку он осуществлял своё желание причинять боль. Порой страшно было видеть, с каким остервенением и наливающимися кровью глазами Усов сопровождал это кровавое действие. Нередко доставалось и его псу, который часто выводился на прогулку с обкусанными и ободранными лапами.

О собаке можно судить по её хозяину, и наоборот. Сумерки уже опустились и поле стремительно чернело. Берг увидел Усова, который вальяжно держал поводок, словно намереваясь в любой момент спустить пса. Терьер, по своей озлобленной натуре, моментально зарычал и залаял, срываясь с места, но пока еще удерживаемый Усовым. Берг побледнел от страха. Он не знал, куда ему деться, боялся обойти их, но и трусом выглядеть не хотелось – не бежать же стремглав через высокую траву к своему дому. Усов, подойдя ближе, узнал Тимура, и его жестокий рот криво усмехнулся. Даже на таком расстоянии чувствовался запах крепкого алкоголя, бьющего в нос.

— Боишься собак? — произнес он своим неприятным голосом, каким обычно изъяснялись кабацкие пьяницы. В глазах Усова блеснула какая-то дьявольская мысль, а тем временем стаффордширский терьер остервенело лаял и всеми усилиями своего мускулистого тела пытался вырваться.

Тимур помотал головой, но бледность его лица говорила об обратном. Вся душа снова ушла в пятки.

— Уберите его, пожалуйста, — сдавленным, как от одышки, голосом, произнес писатель.

— Значит, боишься? — с каким-то бесовским азартом произнес Усов, подходя все ближе и ближе, но придерживая пса к себе. — Тогда чего живешь здесь? Дворняг тут много. Может того... страх-то пора перебарывать? Быть мужчиной?

Берг не оценил шутки и осознал страшную вещь: хозяин был пьян сильнее обычного, поскольку был крайне и подозрительно разговорчив. Быстрыми шагами Тимур ушел в сторону

поля и принялся обходить эту мрачную парочку, трясущимися ногами преодолевая высокую траву. В этот момент Усов ослабил хватку, и стаффордширский терьер сделал такой стремительный рывок, что Тимур едва удержался на ногах, чтобы не свалиться и не закричать от ужаса. Отпустив пса на большое расстояние, Усов снова подтянул поводок к себе. Стаффордширский терьер щелкал своей клыкастой пастью, брызжа слюной, в метре от побледневшего Тимура. Хозяин собаки залился басистым смехом, приговаривая: «Зря боишься! Мой пёс не дурак – зла не сделает, команды не слушается!»

Потрясённый, Тимур быстрыми шагами добрался до своей дачи. Скрывшись за высоким коричневым забором, он отдышался. Сердце его билось столь сильно, что заглушало собой трель сверчков в потемневшем саду. Еще долгие ночи ему снились кошмары о том, как он уходит в поле и видит соседа, спускающего с поводка собаку-людоеда, преследующую Берга и вцепляющуюся пастью в его горло. На этом моменте писатель всегда вздрагивал и просыпался. Он поднимался с постели и долго не мог уснуть, думая о том, как же он уязвим.

Глава 3

Тимур зашел в свою любимую кофейню. Подойдя к барной стойке, он дружелюбно улыбнулся своему приятелю Борису – искусному маэстро в мире кофе и просто приятному в общении человеку – пожал ему руку и, перекинувшись парой фраз, направился напрямик к столику у окна, где и планировалась так называемая сходка писателей, посвященная чрезвычайной ситуации с бурно развивающимся искусственным интеллектом. Берг всегда страдал странной привычкой быть сверхпунктуальным – если встреча назначалась в 16:00, он был на месте уже в 15:20, и так далее. На этот раз он пришел на двадцать минут раньше и, заказав излюбленный аэропресс, расположился поудобнее.

Кофейня находилась прямо в центре Ярославля, на одной из улиц, ведущих к Красной площади, где по неизменной традиции стоит Ленин, указывая своей рукой в неизвестное никому будущее. Внутри интерьер был весьма аскетичным – белые стены, плитка на полу. В центре возвышалось огромное комнатное раскидистое растение, вокруг которого располагались столики. По углам, в горшочках, были высажены декоративные кипарисы. Окна были небольшие, узкие и, по-видимому, не менялись со времен, когда этот этаж дореволюционного дома был возведен. На белых стенах были разбросаны цитаты греческих философов, а справа, под ними, нарисованы их профили на современный лад. Так, например, сам Эпикур был в солнцезащитных очках, Платон надувал жвачку, а Демокриту Абдерскому пририсованы рожки черта, которые, по мнению художника, очень хорошо подходили его каноническому оскалу.

Берг, переводя дух, ощутил, что даже сквозь прохладу кондиционера воздух как будто налился предгрозовой тяжестью. Он выглянул из окна и приметил чернеющие облака, медленно надвигающиеся из-за соседнего дома. Как писатель, надо признать, он очень обрадовался такому атмосферному стечению обстоятельств, придающему встрече некий мрачный и таинственный оттенок. Ничего не поделаешь – творческая личность всегда падка на такие спецэффекты! Наконец, зазвенел колокольчик входной двери, и в проеме показался первый из приглашенных на эту сходку.

Это был писатель Юрий Симанский. Он был высоким, сгорбленным, в круглых очках, коричневой рубашке и серых классических брюках. Волосы у него были русыми, спадающими до плеч и зачесанными назад. Ему было где-то тридцать четыре года, но себя он вечно представлял непременно старше. Пишет он в основном нравоучительные повести о том, как наше поколение перестало ценить прекрасное, как кануло оно в небытие потребительства и гадостей развратных увеселений, как стало тяжело и одиноко человеку думающему. Естественно, все герои Симанского в конце либо умирали в одиночестве, либо в попытках найти истину сходили с ума. Как видим, ничего нового Юрий Павлович (а именно так он всегда представляет себя в обществе, не иначе!) современной словесности не предлагает и не изобретает. Любит Достоевского, Куприна, каких-то малознакомых читателю западных философов и еще Бог знает кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.